

МАСТЕР ТИШАЙШИЙ

Сегодня исполняется 220 лет со дня рождения «отца русского жанра» Алексея Венецианова

Негражданская война. 1800. — 18 февр. — с. 7

Юлия Сонина

В СПИСКЕ художников, определивших пути русского искусства XIX века, имя Венецианова стоит особняком: ни академического образования, ни легкости владения европейским изобразительным языком (и, значит, популярности), ни открытия идейных перспектив живописи, ни принадлежности к определяющим художественным тенденциям времени. В статье по поводу 150-летия Венецианова известный критик Абрам Эфрос изобразил его «средним человеком», «суетливым трудолюбцем, со смиренно озабоченным взглядом, копошащимся художником, конгениальным домовитой тесноте, какой была исполнена та эпоха, тишайшим мастером, чье искусство было вероятно далеко от грохота и велепия модных любимцев кисти». Тем не менее «тишайший» Венецианов смог сделать более чем успешную карьеру. Он был признан еще при жизни «отцом русской жанровой живописи» (а его творчество именовалось не иначе, как «подвигом господина Венецианова»), носил звания академика и «живописца Его Императорского Величества».

Сегодня Венецианова назвали бы self-made man — человеком, который добился всего сам, чья карьера состоялась вопреки исходным данным. Его желание рисовать вызывало у родителей — типичных представителей купеческого сословия, вполне естественное раздражение. Об этом в своих воспоминаниях рассказывает племянник Венецианова: «Дядя Алеша любил рисовать; <...> когда он был мальчиком, то он много рисовал с картин и любил рисовать своих товарищей карандашом и щетинным пером; за это ему доставалось очень от дедушки и от бабушки, а больше всего ему доставалось от учителей в классе; за это однажды чуть не выгнали из пансиона». Но все же к пятому классу ему удалось, наконец, «завоевать свое любимое занятие». Правда, в тот момент еще не полностью, поскольку, прежде чем попасть в руки настоящего мастера (в конце 1800-х годов Венецианов учился в частной мастерской Владимира Боровиковского), ему пришлось после пансиона проработать несколько лет чертежником в Москве и помощником землемера в Петербурге. Венецианов проявлял похвальное упорство, простаивая часами перед картинами в Эрмитаже, чтобы узнать, «как это сделано и отчего оно так поразительно хорошо». А когда достиг успеха — в жанре портрета, — переместился на никем не освоенную территорию «низких» (то бишь крестьянских) тем в искусстве, где еще только должен был создать свои законы.

Его главное открытие — принцип «a la natura», который предлагал вместо традиционного способа письма «a la Rubens» или «a la Rembrandt» подражать природе, — и не только во внешнем сходстве предметов, но и в образе ее действия. То есть художник, с точки зрения Венецианова, сам становился природой (так же, как кто-нибудь другой мнил бы себя Рафаэлем). То, что получилось, стало, наверное, неожиданностью для самого Венецианова (хотя, скорее всего, он не был склонен анализировать результаты своей деятельности). Его сочинения одновременно реальны и нереальны, их поэтичность контрастирует с пришедшими из природы прозаизмом и тупостью крестьянских лиц. Но их мир для Венецианова совершенен, поэтому из него нет выхода (в картинах Ве-

нают «школой Венецианова». Обучение в ней проводилось в соответствии с тезисом «a la natura» и не имело ничего общего с академией, где ученики в первый год учебы копировали оригиналы, на следующий — рисовали гипсовые головы, затем — натурщиков и на последнем этапе создавали собственные композиции. Венецианов же на первой стадии обучения предлагал рисовать простые предметы в перспективе, а на второй — те же предметы в интерьере. То есть включал учеников в жизнь, включая из времени, тогда как академия включала их в профессиональную моду, стиль и проблемы, отключая от жизни.

Ничего не пытаясь доказывать своим творчеством, Венецианов показал, что можно быть современным, не будучи новым. Мож-

Алексей Венецианов. «Захарка». 1825 год.

нецианова никогда нет дороги), а жизненные процессы происходят вне времени. Понимая закономерности развития искусства своего времени, Венецианов писал крестьян так же, как американский художник — индейцев.

Венецианов создал резервацию для так называемого «русского духа», охраняя от разрушения, которое грозило ему со стороны популярных в первой половине XIX века внеациональных тенденций. Очевидно, из тех же соображений Венецианов стал расширять свою территорию искусства. Сейчас ее назы-

но, исходя из собственных представлений, персональных терминов и художественных приемов, собрать свой, удобный лично автору и потому наполненный гармонией мир. Можно даже, хоть и посмертно, оказаться с этим миром не маргиналией или провинцией по отношению к «большому искусству» Брюллова и его окружению, а художником, который поставил всегда отстающее от Запада русское искусство на одну временную параллель с европейской художественной практикой, получившей название «бидермайер».